

Расул ГАМЗАТОВ:

Труд. — 1995. — 26 апр. — с. 5.

«Я из партии поэтической»

Сегодня любой разговор с известными в России людьми обычно начинают с политики. Народного поэта Дагестана Расула Гамзатова я спросил сначала о его творчестве, о новых книгах. Он показал мне новый сборник стихов на аварском языке «Колыбель и очаг».

— Здесь все то, о чем я передумал за последние годы. Здесь мои слезы и моя улыбка. Я пишу о стране, которую мы потеряли, о земле, на которой мы живем, о любимой женщине, единственной, которая нас понимает. В главу «Колыбель и очаг», давшую название книге, вошел цикл колыбельных песен, но не совсем обычных — это и колыбельные для взрослых, колыбельные иссохшим родникам, матери и отцу и даже — колыбельные цензуре...

В раздел «Аварский алфавит» включены стихотворения, каждая строка которых начинается на ту или иную букву. Особо дорог для меня цикл «Пушкинская плеяда» — мои переводы стихотворений Кондратия Рылеева, Антона Дельвига, Константина Батюшкова, Дениса Давыдова. Тех поэтов, с которыми дружил великий Пушкин. Для меня эти переводы с русского стали еще одной школой мастерства. А также школой дружбы, школой товарищества.

— В последнее время вы стали активно выступать в печати, вернулись к общественной деятельности. Это связано с драматическими событиями в России?

— Никогда я не молчал. Не могу молчать и когда идет война на Северном Кавказе. Я говорю открыто, моя позиция ясна: вражду надо прекращать. Всеми средствами — переговорами, консультациями, референдумами, всеми возможными путями. Кроме военных, кровавых.

В эти дни нужно использовать все силы, все возможности, чтобы остановить кровопролитие. Я говорю везде и всюду: России нельзя воевать. У нас особая страна — многонациональная, с разными религиями, со сложной историей, с тяжелым экономическим положением. Мы — атомная страна. Разве можно в такой стране бомбить города? Хотели отпилить рог, а съели быка. У политиков нет исторического чутья. Я ничего не имею против разумных перемен и реформ. Но хинкал (это наше национальное блюдо) должен оставаться хинкалом. Плохая хозяйка не изобретет заново хинкал. Готовить его она может научиться только у матери. У нас же в Москве политики пытаются изобрести свой рецепт. Ничего у них не выйдет.

— Ваш друг Александр Трифонович Твардовский любил повторять: «Все минется, а правда останется». По вашему мнению, что останется в памяти людей от нашего времени?

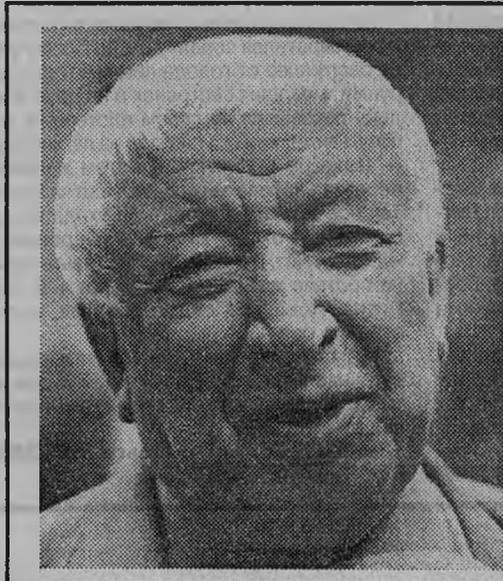
— Раньше говорили, что с Кремля начинается земля. Нет, она начинается с родного аула, с родного селения. Сейчас такое время, что уважения земляков, их любви вполне достаточно для творческого человека. Я видел такое проявление по отношению к моему другу Мустаю Кариму в башкирском ауле Кляш, видел гордость земляков за Алима Кешокова в кабардинском ауле Шалушка.

Мы прошли большой путь. Опыт жизни, опыт работы поэ-

воляет писателям говорить неприятные для властей слова. Россия сейчас, как всадник без головы, несется, а куда — не знает. Нужно встать на пути этого коня, попытаться схватить его

слезы и кровь. Нам покорять друг друга глупо. Независимость нужна только ограниченному людям. Мне всегда нужна была зависимость: от родины, от земли, от семьи, от моей любимой, от внуков, наконец. От моих братьев украинцев, грузин, от друзей в Молдавии, в Белоруссии. Я — зависим, значит, я свободен. Свободен в дружбе, в любви, в радости жить на своей

бы. Моя предвыборная кампания — мои книги. Мои помощники — сборники стихов. Моя программа — это книга «Мой Дагестан». А в президиумах я сидел четверть века и счастья там не видел. Теперь мое счастье — родные горы, подмосковные зимние рожи, моя жена Патимат, моя семья. Моя радость — поэзия, творчество, друзья. А политикой я стал заниматься по-

На моих щеках слезинки три застыли.
В первой прошлое мое отражено.
День сегодняшний, в слезе второй не ты ли?
Третья говорит: грядущее темно.

Был и я среди тех, кто, камень добывая,
Башню возводил меж небом и землей.
В спорах поняли: стена совсем кривая,
Мастер-каменщик к тому же был слепой.

Я человека видел: лапы волку
Кровавые он бинтовал. Глазам
Не верил я, не находя в том толку,
Но человеком этим был я сам.

С плит надмогильных мертвым языком
Заговорил со мною лунный свет:
«Не торопись ты убедиться в том,
Что ничего хорошего тут нет».

Перевод с аварского
Арбена КАРДАША.

под уздцы. Кто это сделает?..

— К Кавказу приковано сегодня внимание всего мира. Чеченская война не прекращается. Вот и в вашем родном Дагестане гремят выстрелы...

— Я горжусь своим кавказским происхождением. Мне дорог каждый народ, живущий в наших краях. Обидно, что «злодеев» из нас делают пресса, телевидение. Махмуд Эсамбаев, Мурад Кажлаев и я пришли к Юрию Михайловичу Лужкову, чтобы сказать: дорогие москвичи, не верьте слухам, «злой чечен», кавказец вам не угрожает. Все мы — россияне, а нас пытаются перессорить. Давайте не поддаваться на провокации. Мэр Москвы нас понял, по его предложению мы будем делать все возможное, чтобы в Москве была спокойная межнациональная атмосфера.

И еще — об отношении на Кавказе к русским. В прошлом веке русские к нам не с цветами приходили, а мы их не вином встречали. Но в те же годы к нам приходили Пушкин и Лермонтов. Они писали не о «лицах кавказской национальности», а о нашем мужестве, о наших традициях... Мы узнавали самих себя в их стихах и романах. Я уже говорил, что для нас русский народ был и остается старшим братом. Не вижу ничего обидного в этом. У старшего брата больше обязанностей, чем прав. Поэтому он должен относиться к младшим братьям ответственно, но не грубо. Не бить их, не унижать. В эти дни я обращаюсь не только к моим землякам, но и к русским. Говорю им: мир знает вашу доброту и терпение, слово «месть» вам не подходит. В наших аулах и в ваших селах матери плакали по своим убитым на той войне сыновьям одинаково. Война — это всегда

земле. А как иначе? Я говорю: мой Дагестан будет с Россией, если Россия будет с нами.

— Ваша позиция близка миллионам простых людей. Я видел, как останапливают вас на улицах, подходят и спрашивают: «Что делать, как жить дальше?» Сегодня нужен мудрый совет. От политиков его уже не ждут, их не слушают. Вы могли бы выступить в роли старейшины, у вас репутация человека, знающего, что делать и что сказать.

— В России правили князья, цари, революционеры, контрреволюционеры... У поэтов они никогда не спрашивали совета: куда ж нам плыть?.. Не случайно эта строка Пушкина обрывается многоточием.

Я жил при нескольких генеральных секретарях. Брежнев мне дал одну Звезду Героя, а сам получил пять таких наград. Вот чему удивляться надо! Вино дербентское и то имеет двенадцать медалей, а в моих стихах — не минеральная вода. Меня часто спрашивают: «К какой партии вы принадлежите?» Я — из партии поэтической. Мой устав — это стихи Пушкина и Баттыра, Лермонтова и Сулеймана Стальского. Партийную дисциплину мне привил мой отец, Гамзат Цадаца. Исключить из этой партии меня может только народ. Мой парламент — это родной аул Цада. Здесь формируются законы, правила моего поведения.

В России сегодня много людей, которые с утра до вечера говорят о политике. Десять лет говорят, а дело стоит. Многие метят в президенты. Желających работать на этом посту на душу населения сегодня больше, чем стремящихся быть слесарями или чабанами. Я хочу остаться поэтом. Поэтом любви, верности, долга, чести, друж-

тому, что хочу, чтобы и у людей были счастье и радость. К моему горю, сегодня на их лицах я вижу тревогу и скорбь, страх и печаль.

— Вы открыли благотворительный фонд. Какие цели у него?

— Я колебался. Не очень удобно быть «человеком-фондом». Но друзья уговорили. Такой фонд нужен — каждый из нас несет ответственность за происходящее. Фонд прежде всего стремится помочь людям — изданием книг, продольствием, выставками. Нам помогают правительство России, московская мэрия. Понимаем, что у них немало забот, но каждое наше предложение внимательно рассматривается. Мы начинаем издавать серию книг писателей Северного Кавказа, недавно отправили машину гуманитарной помощи в Дагестан, шефствуем над детским приютом в Москве, куда привезут сирот с Северного Кавказа. Если вы захотите внести свой вклад в доброе дело, звоните по телефону в Москве: 926-64-97.

Еще хочу сказать, что, несмотря на тяжелые испытания, наша страна продолжает трудиться. Уважение к работе, к честному труду — основа нашего будущего. Поэтому не случайно наша газета — с таким названием! — одна из самых многотиражных. Это — благодарность читателей за труд журналистов, стремящихся быть объективными. Но почему у вас не печатаются стихи? Если мы забудем о труде поэта, то забудем самих себя. Тогда не будет страны, а будет место обитания «русскоязычных», что-то вечно выясняющих с «лицами кавказской национальности».

Вел беседу
Вадим ДЕМЕНТЬЕВ.